

Предисловие

Друзья мистера Шерлока Холмса обрадуются известию, что он по-прежнему жив и благополучен, хотя временами и страдает от приступов ревматизма. Уже много лет он проживает на небольшой ферме в Даунс, в пяти милях от Истборна, где занимается попеременно философскими штудиями и земледелием. Расставшись с профессиональной деятельностью, он неоднократно отвергал самые щедрые предложения от клиентов, поскольку решил, что его отставка будет бессрочной. Однако близящаяся война с Германией вынудила его поставить на службу британским властям свои уникальные способности, сочетающие в себе мощь интеллекта и практическую опытность. Отчет об этом историческом случае содержится в рассказе «Его прощальный поклон». Дополняют том рассказы о нескольких прежних расследованиях, долгое время хранившиеся среди моих бумаг.

*Джон Х. Ватсон,
доктор медицины*

ВИСТЕРИЯ-ЛОДЖ

1. Необычное происшествие с мистером Джоном Скотт-Экклзом

В моей записной книжке значится, что произошло это промозглым ветреным днем в конце марта 1892 года. Мы сидели за ланчем, Холмсу принесли телеграмму, и он нацарапал ответ. Он ничего не сказал, однако явно погрузился в раздумья: стоя с отрешенным видом перед камином и попыхивая трубкой, он то и дело бросал взгляды на телеграмму. Вдруг Холмс обернулся ко мне; в его глазах я заметил задорный блеск.

— Ватсон, вы у нас человек, владеющий пером, — начал он. — Как бы вы определили слово «гротескный»?

— Абсурдный, нелепый, — предположил я.

Холмс помотал головой:

— В этом слове заключено нечто большее, некий трагический и зловещий оттенок. Если вы припомните иные из рассказов, которыми испытывали в свое время долготерпение публики, вам станет ясно, что за гротеском нередко следует злодеяние. Подумайте про историю с рыжими. Вначале был гротеск, а завершился он дерзкой попыткой грабежа. Возьмите опять же гротескную историю с пятью апельсиновыми зернышками, которая привела прямиком к заговору с целью убийства. При слове «гротескный» я всегда настаиваю.

— Оно есть в телеграмме? — спросил я.

Холмс зачитал ее вслух:

— «Только что со мной случилось нечто гротескное и совершенно невероятное. Можно ли обратиться к вам за консультацией? — Скотт-Экклз, почтовая контора, Чаринг-Кросс».

— Мужчина или женщина? — спросил я.

— Мужчина, конечно. Женщина не послала бы телеграмму с оплаченным ответом. Она бы уже приехала сама.

— Вы с ним встретитесь?

— Дорогой Ватсон, вы знаете, как я томлюсь от скуки, с тех пор как мы отправили за решетку полковника Карразерса. Мой ум — как двигатель, который пойдет вразнос, если лишит его привычной нагрузки. Жизнь банальна, газеты пусты; преступный мир, похоже, навеки утратил дух авантюризма и романтики. И вы еще спрашиваете, готов ли я взяться за новое расследование, пусть даже оно окажется вполне обыденным? Но вот, если не ошибаюсь, и наш клиент.

На лестнице послышались размеренные шаги, и в распахнутых дверях появился высокий плотный мужчина с седыми бакенбардами, весь вид которого говорил о солидности и респектабельности. В тяжелых чертах лица и величавых манерах гостя отражалась история всей его жизни. От коротких гетр до очков в золотой оправе это был консерватор, истовый христианин, добропорядочный член общества, ортодокс до мозга костей. Однако с ним явно произошло нечто поразительное, отчего врожденное самообладание его покинуло: волосы посетителя стояли дыбом, на щеках полыхал гневный румянец, движения были порывисты и суетливы. Прямо с порога он приступил к делу.

— Со мной случилась неприятность, мистер Холмс, причем самая поразительная. Впервые в жизни я попал в подобную историю. Это дико... просто неслыханно. Я настаиваю, чтобы мне было дано объяснение. — Посетитель клокотал от ярости.

— Садитесь, прошу вас, мистер Скотт-Экклз, — успокаивающим тоном предложил Холмс. — Прежде всего позвольте узнать, что вас сюда привело?

— Что ж, сэр, это дело, похоже, не для полиции, но, когда вы выслушаете факты, вам станет ясно, что я не мог сидеть сложа руки. К сословию частных сыщиков я не испытываю ни малейшей симпатии, и все же, поскольку мне известно ваше имя...

— Именно так. Но тогда второй вопрос: почему вы не явились ко мне сразу?

— О чем вы?

Холмс взглянул на часы:

— Сейчас четверть третьего. Телеграмма была отправлена примерно в час. Однако при взгляде на вас и вашу одежду всякий поймет, что вы пребываете в расстроенных чувствах с самого пробуждения.

Наш клиент пригладил встрепанные волосы и ощупал небритый подбородок.

— Вы правы, мистер Холмс. Я не привел себя в порядок, мне было не до того. Главное было — выбраться из этого дома. Но прежде чем явиться к вам, я побегал и навел справки. Побывал в агентстве недвижимости, и они сказали, что с Вистерия-Лодж все благополучно и платежи от мистера Гарсия поступают вовремя.

— Погодите, погодите, сэр! — рассмеялся Холмс. — Вы похожи на моего друга, доктора Ватсона, который завел себе дурную привычку начинать рассказ не с того конца. Пожалуйста, упорядочьте свои мысли и изложите четко и в должной

последовательности, что за события заставили вас, нечесаного и неприбранного, в криво застегнутых обуви и жилетке, искать моей помощи и совета.

Наш клиент обозрел унылым взглядом хаос в своем туалете.

— Да, мистер Холмс, вид у меня, должно быть, из ряда вон; не помню, чтобы со мной прежде такое случалось. Но я расскажу вам всю эту поразительную историю, и под конец вы наверняка признаете, что меня можно понять.

Однако его рассказ был прерван, не начавшись. Снаружи донесся шум, и миссис Хадсон открыла дверь, впуская к нам двух крепко сбитых, казенного вида субъектов, один из которых был нам хорошо знаком как инспектор Грегсон из Скотленд-Ярда — энергичный, храбрый и, в своих пределах, недурной полицейский. Обменявшись с Холмсом рукопожатием, он представил ему своего товарища — инспектора Бейнза из полиции Саррея.

— Мы идем по следу, мистер Холмс, и он ведет именно сюда. — Грегсон уставил свои бульдожьи глаза на нашего посетителя. — Вы ведь мистер Джон Скотт-Экклз из Попем-Хауса, Ли?

— Да.

— Мы все утро за вами гоняемся.

— И выследили его, конечно же, благодаря телеграмме, — проговорил Холмс.

— Верно, мистер Холмс. Мы взяли след в почтовой конторе Чаринг-Кросс, и вот мы здесь.

— Но зачем вы меня искали? Что вам нужно?

— Нам нужны показания, мистер Скотт-Экклз, по поводу событий, которые прошлой ночью привели к смерти мистера Алоизиуса Гарсиа из Вистерия-Лодж, близ Эшера.

Наш клиент выпрямился, побледнел и удивленно уставился на полицейских:

— Он умер? Вы сказали, он умер?

— Да, сэр, умер.

— Но отчего? От несчастного случая?

— Убит, вне всякого сомнения.

— Боже правый! Это ужасно! Но разве вы... разве вы подозреваете меня?

— В кармане убитого было найдено ваше письмо, и нам известно, что вы собирались прошлую ночь провести в его доме.

— Да, собирался.

— И провели?

Грегсон вынул свой служебный блокнот.

— Погодите минутку, — остановил его Шерлок Холмс. — Вам ведь нужны не более чем показания?

— И мой долг предупредить мистера Скотт-Экклза, что сказанное может быть использовано против него.

— Когда вы вошли, мистер Экклз как раз собирался поведать нам об этом деле. Думаю, Ватсон, бренди с содовой ему не повредит. А теперь, сэр, предлагаю вам не обращать внимания на возросшее число слушателей и продолжить рассказ с того места, на котором вас прервали.

Отхлебнув бренди, наш посетитель вновь порозовел. Недоверчиво покосившись на блокнот инспектора, он приступил к своим поистине удивительным показаниям.

— В браке я не состою, — начал он, — и, будучи человеком общительным, завел себе немало друзей. К ним принадлежит и семейство удалившегося от дел пивовара по фамилии Мелвилл, обитающее в Олбемарл-Мэншн, Кенсингтон. Как раз в его

доме я и познакомился за столом с молодым человеком по фамилии Гарсиа. Как я понял, он происходил из Испании и имел какое-то отношение к посольству этой страны. Он безупречно говорил по-английски, имел приятные манеры и был поразительно хорош собой.

Мы с этим молодым человеком с самого начала перешли на дружескую ногу. Он, похоже, сразу проникся ко мне симпатией, и не прошло и двух дней, как он явился в Ли меня проведать. Одно за другим, и наконец он пригласил меня погостить несколько дней в его доме — Вистерия-Лодж, расположенном между Эшером и Окспоттом. Вчера вечером я, согласно уговору, отправился в Эшер.

Гарсиа еще раньше описал мне, как устроено у него хозяйство. За всем смотрел один-единственный лакей, очень преданный, его соотечественник. Слуга говорил по-английски, и на нем лежали все домашние работы. Еще был замечательный, по словам Гарсиа, повар, полукровка, которого он привез из очередного путешествия; тот готовил отличные обеды. Помню, он заметил, что такое домоустройство для Саррея в диковинку, и я с ним согласился, не зная, что оно окажется еще диковинней, чем я ожидал.

Я подъехал к дому, который находится южнее Эшера в двух милях. Дом обширный, стоит поодаль от дороги, к нему ведет изогнутая аллея, обсаженная высоким вечнозеленым кустарником. Здание старое, ветхое, вот-вот развалится. Когда моя двуколка, миновав заросшую травой подъездную аллею, остановилась перед облупившейся дверью, я подумал, что не следовало, наверно, принимать приглашение от малознакомого человека. Хозяин, однако, сам распахнул дверь и очень радушно меня приветство-

вал. Он дал поручение лакею, унылому смуглому субъекту, и тот взял мою сумку и проводил меня в мою спальню. Дом производил гнетущее впечатление. Обедали мы тет-а-тет, и хотя хозяин дома как мог старался меня развлечь, время от времени его одолевали какие-то посторонние мысли и речь становилась такой бессвязной, что я едва ее понимал. Он непрерывно барабанил пальцами по столу, грыз ногти и не мог скрыть свою нервную взвинченность. Как сервировка, так и сам обед оставляли желать лучшего, а постоянное присутствие угрюмо молчавшего слуги отнюдь не оживляло обстановку. Поверьте, за вечер я неоднократно подумывал изобрести какой-то предлог, чтобы вернуться к себе в Ли.

Припоминаю одно обстоятельство, которое может иметь отношение к вашему расследованию, джентльмены. В то время я не придавал ему значения. Ближе к концу обеда слуга подал хозяину записку. Я заметил, что, пробежав ее глазами, тот сделался еще рассеянней. Не говоря ни слова о записке, он совсем перестал поддерживать разговор, а только сидел, думал и курил папиросу за папиросой. Я был рад, когда пробилло одиннадцать и настала пора отправиться в постель. Позднее, когда я уже погасил свет, ко мне заглянул Гарсиа и спросил, не звонил ли я. Я сказал, что нет. Он извинился, что побеспокоил меня в столь позднее время, и добавил, что уже почти час ночи. После этого я заснул и всю ночь спал спокойно.

Теперь я подхожу к самой поразительной части моего рассказа. Проснувшись, я увидел, что уже рассвело. Я взглянул на часы: стрелка приближалась к девяти. Накануне я просил, чтобы меня разбудили в восемь, и это упущение меня удивило.

Я вскочил и позвонил в колокольчик. Ответа не последовало. Я звонил и звонил, но так же безрезультатно. Я решил, что колокольчик неисправен. Кое-как оделся и, раздосадованный, поспешил вниз — сказать, чтобы подали горячей воды. Представьте себе мое удивление, когда я обнаружил, что внизу никого нет! Я остановился в холле и несколько раз крикнул. Обегал все комнаты. Всюду было пусто. Вечером хозяин показывал мне, где находится его спальня, так что я постучал в дверь. Никто не отошел. Я повернул ручку и вошел. Комната была пуста, постель нетронута. Гарсиа исчез вместе с остальными. Хозяин-иностранец, лакей-иностранец, повар-иностранец — ночью пропали все! Так завершился мой визит в Вистерия-Лодж.

Шерлок Холмс потирал руки и хмыкал от удовольствия, мысленно пополняя свою коллекцию необычайных происшествий.

— Насколько мне известно, этот случай не имеет аналогов, — заключил он. — Позвольте спросить, сэр, что вы предприняли дальше?

— Я был в ярости. Сначала мне пришло в голову, что я стал жертвой нелепого розыгрыша. Я упаковал вещи, захлопнул за собой парадную дверь и с чемоданом в руках отправился в Эшер. Зашел в контору «Братья Аллан» — это главные тамошние агенты по недвижимости — и выяснил, что виллу сдавали в аренду именно они. Мне подумалось, что вряд ли вся затея имела целью одурачить меня; скорее всего, Гарсиа не хотел платить за аренду. Сейчас конец марта, приближается квартальный день. Но оказалось, это не так. Агент поблагодарил меня за предупреждение, однако сказал, что платеж внесен авансом. Тогда я отправился в Лондон и заглянул в испанское посольство. О Гарсиа там

слышали впервые. Я повидал Мелвилла, у которого познакомился с Гарсиа; тот, как выяснилось, знает о нем еще меньше, чем я. Наконец я получил от вас ответ на свою телеграмму и приехал сюда, потому что, как я понимаю, именно к вам обращаются за советом во всяких сложных случаях. Но теперь, мистер инспектор, являетесь вы и оказывается, что вам известно продолжение этой истории — продолжение трагическое! Заверяю: все мои слова — чистая правда и больше ничего о судьбе этого человека я не знаю. Все, к чему я стремлюсь, это по мере сил помочь правосудию.

— Не сомневаюсь в этом, мистер Скотт-Экклз, не сомневаюсь, — самым дружелюбным тоном откликнулся инспектор Грегсон. — Должен сказать, ваши слова не расходятся с фактами, которыми мы располагаем. К примеру, насчет записки, которая пришла во время обеда. Вы, случаем, не заметили, что с нею стало?

— Заметил. Гарсиа свернул ее в трубочку и бросил в камин.

— Что скажете на это, мистер Бейнз?

Деревенский сыщик был крепыш с красным лицом, которое казалось бы грубым, если бы в узких щелках между тяжелыми надбровьями и толстыми щеками не сияла пара на удивление пронизательных глаз. С неспешной улыбкой он вынул из кармана свернутый клочок побуревшей бумаги.

— Там в камине подставка на ножках, мистер Холмс, и он зашвырнул бумажку за нее. Записка не сгорела, я ее подобрал.

Холмс кивнул и улыбнулся:

— Вижу, вы очень тщательно осмотрели дом, раз нашелся такой комочек.

— Да, мистер Холмс, так я привык. Зачитать, мистер Грегсон?

Лондонский полицейский кивнул.

— Написано на обычной кремовой бумаге без водяных знаков. Формат четвертной. Лист разрезан ножницами с короткими лезвиями, видны два надреза. Сложен втрое и запечатан лиловым воском, нашлапка сделана небрежно и прижата плоским предметом овальной формы. Записка адресована мистеру Гарсиа, Вистерия-Лодж. В ней сказано: «Цвета наши собственные, зеленый и белый. Зеленый — открыто, белый — закрыто. Главная лестница, первый коридор, седьмая справа, зеленое сукно. Бог в помощь. Д.». Почерк женский, перо острое, но адрес написан другим пером или другой рукой. Как видите, эта надпись жирнее и почерк четче.

— Записка очень примечательная, — заметил Холмс, изучив листок. — Отдаю вам должное, мистер Бейнз, вы были очень внимательны к деталям. Добавлю только пару незначительных подробностей. Овальная печать — это, судя по форме, просто-напросто запонка, что же еще? Ножницы маникюрные, изогнутые. Надрезы короткие, и все же в обоих случаях заметна одинаковая легкая кривизна.

Деревенский сыщик усмехнулся:

— Я думал, что выжал всю информацию, но вижу, еще немного осталось. Надобно признаться, из записки я понял разве только, что речь шла о какой-то затее и, как обычно, без женщины тут не обошлось.

Во время этого разговора мистер Скотт-Экклз беспокойно ерзал на стуле.

— Я рад, что записка нашлась, ведь это подтверждает мое свидетельство, — проговорил он. — Но

учтите: я пока не знаю, что произошло с мистером Гарсиа и что слышно о его домашних.

— С Гарсиа все просто, — ответил Грегсон. — Этим утром его нашли мертвым на общинных землях Окшотта, почти в миле от дома. Кто-то размозжил ему голову; орудием убийце послужил мешок с песком или что-то подобное, чем можно дробить, но не ранить. Место это глухое, в радиусе четверти мили жилья вокруг нет. Похоже, сначала его сбили с ног ударом сзади, однако и после смерти Гарсиа нападавший унялся не скоро. Убийца явно был взбешен. Отпечатков обуви не обнаружено, других улик — тоже.

— Ограбление?

— Нет, никаких признаков.

— Событие ужасное и очень прискорбное, — проворчал мистер Скотт-Экклз, — но мне, ей-богу, приходится несладко. Я не имею никакого отношения ни к ночной прогулке хозяина дома, ни к его плачевному концу. Каким образом вы на меня вышли?

— Очень просто, сэр, — отозвался инспектор Бейнз. — Единственным документом, который нашелся в кармане убитого, было ваше письмо, где говорится, что вы собирались гостить у него в ту ночь, когда он погиб. На конверте мы прочли его имя и адрес. Утром в десятом часу мы прибыли в его дом и не застали ни вас, ни кого-либо другого. Я телеграфировал мистеру Грегсону, чтобы он, пока я осматриваю Вистерия-Лодж, разыскал вас в Лондоне. Позднее я встретился в Лондоне с мистером Грегсоном, и вот мы здесь.

— А теперь, думаю, пора приступить к официальному оформлению. — Грегсон встал. — Вам, мис-

тер Скотт-Экклз, придется отправиться с нами в полицейский участок и дать письменные показания.

— Разумеется, я готов. Однако мне понадобятся ваши профессиональные услуги, мистер Холмс. Я хочу, чтобы вы выяснили правду, каких бы усилий и затрат это ни стоило.

Мой друг обратился к деревенскому инспектору:

— Полагаю, мистер Бейнз, вы не станете возражать против нашего сотрудничества?

— Поверьте, сэр, для меня это большая честь.

— Похоже, все ваши шаги были очень спорными и разумными. Позвольте спросить, имеются ли указания, когда именно было совершено преступление?

— Труп находился там самое позднее с часу ночи. Примерно в это время пошел дождь, а смерть определенно наступила раньше.

— Это совершенно исключено, мистер Бейнз! — воскликнул наш клиент. — Его голос не спутаешь ни с каким другим. Могу поклясться, что именно в это время Гарсиа заглянул в мою спальню и задал мне вопрос.

— Необычно, однако вполне возможно, — улыбнулся Холмс.

— У вас есть объяснение? — спросил Грегсон.

— На первый взгляд дело не очень сложное, хотя некоторые его детали определенно не лишены интереса и новизны. Чтобы высказать свое твердое и окончательное мнение, мне требуется поднакопить фактов. Кстати, мистер Бейнз, при осмотре дома не попалось ли вам чего-нибудь примечательного, кроме записки?

Сыщик бросил на моего друга странный взгляд.

— Кое-что показалось мне очень даже примечательным. Быть может, когда я покончу с делами

в полицейском участке, вы соблаговолите отправиться на место и сказать, что вы об этом думаете.

— Я весь к вашим услугам. — Холмс позвонил в колокольчик. — Миссис Хадсон, проводите этих джентльменов и будьте добры, пошлите мальчика отправить телеграмму. Пусть заплатит пять шиллингов за ответ.

После ухода посетителей мы некоторое время сидели молча. Холмс непрерывно курил, сидя в привычной позе: внимательные глаза спрятаны за опущенными веками, шея вытянута, подбородок вздернут.

— Ну, Ватсон, — внезапно повернулся он ко мне, — что вы об этом думаете?

— Никак не возьму в толк, зачем было мистифицировать Скотт-Экклза.

— А что насчет преступления?

— Ну, поскольку домочадцы этого человека исчезли, я бы сказал, что они как-то замешаны в убийстве и решили скрыться от правосудия.

— Такое предположение вполне допустимо. Однако согласитесь: при этом кажется странным, что двое слуг, составивших заговор против хозяина, выбрали для нападения ту единственную ночь, когда в доме находился гость. В любую другую ночь на той неделе они расправились бы со своей жертвой без свидетелей.

— Тогда почему они бежали?

— Вот именно. Почему? Вот вам важный факт. Другой важный факт — необычное приключение нашего клиента Скотт-Экклза. И что же, мой дорогой Ватсон, неужели разум человеческий не в силах изобрести объяснения этим двум фактам в совокупности? А если и записка, с ее крайне своеобразным языком, уложится в изобретенную версию, то поче-

му бы не принять ее в качестве рабочей гипотезы? Если новые факты не будут противоречить схеме — гипотеза превратится в разгадку.

— Но в чем она состоит, наша гипотеза?

Холмс, опустив веки, откинулся на спинку кресла.

— Согласитесь, Ватсон, о шутке говорить не приходится. Как показало развитие событий, назревала трагедия, и приключение Скотт-Экклза в Вистерия-Лодж было каким-то образом с нею связано.

— Но каким?

— Распутаем цепь постепенно. Есть что-то неестественное в крайнем ее звене — странной и внезапной дружбе молодого испанца и Скотт-Экклза. Инициативу проявил первый. На следующий же день после знакомства он является к Экклзу в гости на другой конец Лондона и продолжает поддерживать с ним тесное общение, пока не заманивает его в Эшер. Что ему понадобилось от Экклза? Чем тот привлекателен? Да ничем. Умом не блещет — куда ему до какого-нибудь латинянина с его подвижным интеллектом. Тогда почему Гарсиа из всех, с кем был знаком, выбрал для своих целей именно Экклза? Обладает ли тот каким-либо выдающимся качеством? Да, скажу я. Он приличнейший человек, само воплощение британской респектабельности. Такому свидетелю другой британец легче всего поверит. Вы сами убедились: ни одному из инспекторов не пришло в голову усомниться в его куда как странных показаниях.

— А что он должен был засвидетельствовать?

— В итоге он не засвидетельствовал ничего, но при ином повороте событий мог бы засвидетельствовать очень многое. Так мне видится это дело.

— Понятно, он должен был засвидетельствовать алиби.

— Вот именно, мой дорогой Ватсон, он должен был засвидетельствовать алиби. Предположим, обитатели Вистерия-Лодж были соучастниками какого-то заговора. Осуществить задуманное, в чем бы оно ни состояло, планировали, скажем, незадолго до часу ночи. Вполне возможно, что они подвели часы и Скотт-Экклз отправился в постель раньше времени; во всяком случае, похоже, что, когда Гарсия говорил про час ночи, на самом деле было не больше двенадцати. Если бы Гарсия успел сделать свое дело и вернуться до названного часа, у него был бы убедительный ответ на все обвинения. Англичанин с незапятнанной репутацией готов поклясться суду, что обвиняемый не покидал своего дома. Это была бы гарантия от неприятностей.

— Да-да, понятно. Но как с исчезновением остальных?

— Не располагаю пока всеми нужными фактами, но не думаю, что столкнусь с неразрешимой задачей. Было бы ошибкой заниматься гаданием при недостатке данных. А то потом, незаметно для самого себя, станешь подгонять данные под свои домыслы.

— А послание?

— Как там было сказано? «Цвета наши собственные, зеленый и белый». Похоже на скачки. «Зеленый — открыто, белый — закрыто». Очевидно, знак. «Парадная лестница, первый коридор, седьмая справа, зеленое сукно». Место встречи. За всем этим может обнаружиться какой-нибудь ревнивый муж. Предприятие явно опасное. В противном случае она бы не написала «Бог в помощь». «Д.» может послужить указанием.

— Он был испанец. Предполагаю, что «Д.» означает Долорес — распространенное женское имя в Испании.

— Отличная догадка, Ватсон, только совершенно несостоятельная. Испанка к испанцу обращалась бы на испанском. Автор послания явно англичанка. Что ж, остается только терпеливо ждать возвращения этого умницы-инспектора. И тем временем благодарить судьбу за то, что на час-другой избавила нас от невыносимых тягот безделья.

Еще до возвращения саррейского инспектора Холмсу пришел ответ на его телеграмму. Холмс прочел его и собрался сунуть в записную книжку, но перехватил мой вопросительный взгляд и с усмешкой кинул мне листок.

— Мы вращаемся в высоких кругах, — заметил он.

В телеграмме был список имен и адресов: «Лорд Харрингби, Дингл; сэр Джордж Фоллиотт, Оксшотт-Тауэрз; мистер Хайнз, мировой судья, Пердли-Плейс; мистер Джеймс Бейкер Уильямс, Фортон-Олд-Холл; мистер Хендерсон, Хай-Гейбл; преподающий Джошуа Стоун, Нетер-Уолслинг».

— Это очевидным образом ограничивает наше поле исследования, — сказал Холмс. — Не сомневаюсь, что Бейнз, с его методичным умом, уже избрал для себя какой-то похожий план.

— Я не совсем понимаю.

— Что ж, дружище, мы уже пришли к заключению, что в записке, которая пришла Гарсиа за обедом, говорилось о свидании или о тайной встрече. Если мы поняли прочитанное правильно, то, чтобы добраться до места встречи, требуется взойти по парадной лестнице и отсчитать в коридоре седьмую

дверь. Значит, дом очень большой. Ясно также, что он находится в одной-двух милях от Оксшотта, поскольку Гарсиа шел в этом направлении и рассчитывал, как мне представляется, вернуться в Вистерия-Лодж не слишком поздно, чтобы потом сослаться на алиби, относящееся к часу ночи. Поскольку вокруг Оксшотта не так много больших домов, я предпринял очевидный шаг: запросил агентов, упомянутых Скотт-Экклзом, и получил от них список. Здесь значатся все эти дома, и здесь же находится другой конец веревочки из нашего запутанного клубка.

Когда мы вместе с инспектором Бейнзом добрались до красивого городка Эшер в Саррее, время уже близилось к шести.

Мы с Холмсом, запасшись дома всем потребным для ночевки, нашли удобный приют в «Быке». Наконец мы, в компании Бейнза, направили стопы в Вистерия-Лодж. Стоял хмурый и промозглый мартовский вечер, было ветрено, в лицо брызгал морозящий дождь. Погода гармонировала и с окружением — заброшенными общинными землями, по которым шел наш путь, — и с невеселой целью, к которой он нас вел.

2. Тигр Сан-Педро

Наша тоскливая прогулка растянулась на две мили и привела к высоким дощатым воротам, за которыми начиналась тенистая каштановая аллея. Следуя по ее дуге, мы приблизились к дому — низкому и темному, почти черному на фоне сланцево-

серого неба. В одном из окон главного фасада, слева от двери, слабо поблескивал огонек.

— Там обосновался констебль, — пояснил Бейнз. — Я постучу в окно.

Он пересек лужайку и побарабанил по стеклу: оно запотело, и я слабо различил человека, который вскочил с кресла у камина. Раздался громкий крик, дверь открылась, и показался полисмен, бледный и задыхающийся; свеча плясала в его дрожащей руке.

— В чем дело, Уолтерс? — резко спросил Бейнз.

Полисмен отер платком взмокший лоб и издал протяжный вздох облегчения.

— Как же я рад, что вы пришли, сэр. Вечер тянулся долго, а нервы у меня, смотрю, не те, что прежде.

— Нервы, Уолтерс? Я-то думал, их у вас вообще нет.

— Как же, сэр, в доме тихо и одиноко, в кухне черт-те что. А тут вы стучите в окошко, и я решил, это снова оно.

— Что за «оно»?

— Не иначе как сам черт, сэр. Он был в окне.

— Что было в окне и когда?

— Пару часов назад. Как раз начало темнеть. Я читал вот тут, в кресле. Сам не знаю, что меня заставило поднять голову, но только через нижнюю панель окна на меня кто-то смотрел. Что это было за лицо, сэр! Мне оно теперь во сне будет сниться.

— Да ладно вам, Уолтерс! Такие разговоры не пристали полицейскому констеблю.

— Знаю, сэр, знаю, но только я испугался, чего уж скрывать. Оно было не черное, сэр, и не белое, даже названия этому цвету не подберу. Вроде как глина с капелькой молока. И потом какой вели-

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие. <i>Перевод Л. Бриловой</i>	5
I. Вистерия-Лодж. <i>Перевод Л. Бриловой</i>	7
II. Картонная коробка. <i>Перевод С. Сухарева</i>	47
III. Красный круг. <i>Перевод Л. Бриловой</i>	77
IV. Чертежи Брюса-Партиingtonа <i>Перевод Л. Бриловой</i>	103
V. Умиравший сыщик. <i>Перевод Л. Бриловой</i>	144
VI. Исчезновение леди Франсес Карфэкс <i>Перевод С. Сухарева</i>	165
VII. Нога дьявола. <i>Перевод С. Сухарева</i>	194
VIII. Его прощальный поклон. Эпилог <i>Перевод С. Сухарева</i>	230